

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

ОТ ИДЕИ К ДОКТРИНЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва
Издательство «Европа»
2006

УДК 323.2
ББК (Г) 66.3 (2Рос)
С 95

С 95 Суверенная демократия. От идеи – к доктрине. –
М.: Издательство «Европа», 2006. – 60 с.

«Сначала было Слово...» Обычно долгий путь от публичных размышлений автора идеи Владислава Суркова до целостной концепции, от идеи к доктрине суверенная демократия прошла всего за несколько месяцев. За это время в орбиту ее влияния оказалось вовлечено большинство политического класса и экспертного сообщества. В качестве новой идентичности российской элиты ее признал Запад. Сегодня суверенная демократия – основа программы «Единой России» и основание идеологии российского консерватизма.

Как все это происходило? Что такое суверенная демократия? Как и откуда возник этот термин? Что он значит для России, для ее настоящего и будущего? Почему «Единая Россия» сделала его основой своей программы?

На эти и другие вопросы о суверенной демократии в нашем сборнике отвечают российские политологи, которые непосредственно участвовали в создании этой доктрины.

Дмитрий Орлов*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Суверенная демократия — уже не просто эффективная политическая концепция. Она превратилась в **действующую доктрину**, которая реально консолидирует правящую элиту и правящую партию. Она признана на Западе. Она — «живая». Возникающие вокруг нее дискуссии свидетельствуют о ее популярности и о том, что российский правящий класс — не закостеневшая сословная группа, а динамичная элитная коалиция. А это — гарантия продолжения демократического развития страны. Традиционный потенциал «подлинной демократии» и «государственного суверенитета» несопоставимы с тем интеллектуальным и коммуникативным зарядом, который несет в себе суверенная демократия.

От идеи к доктрине. Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, помощник Президента России Владислав Сурков, инициировал дискуссию о национальных приоритетах (весна 2005 года), а затем выступил с основными положениями суверенной

* Генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций, кандидат исторических наук.

демократии перед активом «Единой России» (февраль 2006 года). Распространение этих идей в среде экспертного сообщества и политической элиты произошло очень быстро. В формировании собственно доктрины «суверенной демократии» приняли участие ведущие политологи России: Вячеслав Никонов, Глеб Павловский, Валерий Фадеев, Виталий Третьяков, Андраник Мигранян, Алексей Чадаев, Максим Соколов, Леонид Поляков, Виталий Иванов, Леонид Радзиховский. Каждый из них высказал собственное понимание ее базовых положений, и это стало одной из причин системного характера новой доктрины.

К лету 2006 года вокруг суверенной демократии консолидировалась большая часть политического класса. Дискуссию поддержал Президент России Владимир Путин. А в сентябре «Единая Россия», ведущая политическая партия страны, провозгласила в своем программном заявлении «стратегию качественного обновления страны как суверенной демократии».

Доктрину суверенной демократии быстро восприняли на Западе. Россия навязала «Большой восьмерке» свою повестку дня, а Владимир Путин выступил на саммите как основной ньюсмейкер. Можно спорить о деталях, но саммит стал свидетельством международного признания новой идентичности нашей страны, описываемой именно формулой «суверенная демократия». Как отмечала *Los Angeles Times*, «Вашингтон должен смириться с тем, что нынешний Кремль будет энергично отстаивать национальные интересы России и не станет уклоняться от конкуренции с Западом в борьбе за политические и экономические преимущества».

Суверенная демократия ясно прочитана (и понята!) на Западе как стратегия последовательной, комплексной и жесткой защиты национальных интересов при сохранении открытости страны, демократических институтов и рыночных механизмов российского образца. И не беда, если Джордж Буш считает, что суверенной демократии не бывает, а Дик Чейни предлагает собственную трак-

товку этого термина. Полагаю, это лучшее свидетельство живучести и органичности созданных по инициативе Кремля конструкций.

Суверенная демократия — не калька с sovereign democracy, а авторский проект. Формула sovereign democracy была создана американской политологией и пропагандой в период противостояния Запада с Советским Союзом. Однако определение sovereign означало в ней «независимая», а еще точнее — «независимая от СССР». Дик Чейни, обращаясь к лидерам восточноевропейских стран в Вильнюсе, говорил о «сообществе суверенных демократий» именно в этом смысле, только СССР в качестве виртуальной «империи зла» сменила Россия. Некоторые эксперты считают, что термин был рожден на Тайване, который искал собственную, отличную от Китая, идентичность.

Примечательно, что sovereign democracy долгое время была обречена на забвение. Вице-президент США, известный мифотворец, вспомнил о ней лишь спустя несколько месяцев после обнародования российской концепции суверенной демократии (октябрь 2005 года).

«Наша российская модель демократии называется суверенной демократией», — заявил Владислав Сурков. Ее антипод — «управляемая демократия», «навязываемая некоторыми центрами глобального влияния... шаблонная модель неэффективных и, следовательно, управляемых извне экономических и политических режимов». Уже в силу этого суверенная демократия, транслируемая Кремлем, принципиально отличается от sovereign democracy, разработанной в «вашингтонском обкоме».

Понятие суверенной демократии вытекает из логики Конституции. Конституция определяет Россию как «суверенное демократическое государство». Как удачно выразился председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин, «суверенитет у нас демократический, а демократия — суверенная». И в самом деле, суверенитет и демократия неотделимы. Гармоничное развитие нацио-

нальных демократических институтов гарантирует суверену — народу России — свободу в принятии глобальных решений. А современные атрибуты суверенитета (прежде всего конкурентоспособность и обороноспособность), в свою очередь, гарантируют, что демократические институты будут развиваться без корректирующего вмешательства извне.

Немногие страны обладают сегодня полным суверенитетом, но Россия — всегда в их числе. Появившиеся в связи с саммитом «Большой восьмерки» размышления о США как последнем суверене оказались не слишком состоятельными. Президент Джордж Буш ввел в политологический оборот оригинальный конструкт «демократия как везде», однако он оказался бессодержательным сам по себе, а кроме того, стал неудачной реакцией на российскую доктрину суверенной демократии. Универсальные (а особенно «привозные») модели демократии не пользуются спросом — смех журналистов после заявления Владимира Путина о неприемлемости демократии, «как в Ираке», был весьма показательной реакцией. Споры о пределах и моделях суверенитета продолжаются в среде американской элиты до сих пор, и они явно способствуют укреплению реального суверенитета России. Для России сегодня не приемлем никакой мировой порядок, в котором она не влияла бы на принятие стратегических решений, не была «в совете директоров».

Суверенитет — политический синоним конкурентоспособности. СССР был одним из отцов глобализации, но сегодня выгоды этого процесса распределяются весьма неравномерно — и вряд ли в пользу России. Достижение конкурентоспособности абсолютно необходимо, но этот процесс займет годы и десятилетия. Как отмечали многие участники летнего бизнес-форума «Экономика суверенной демократии», ставка государства на крупнейшие корпорации сырьевого сектора и металлургии, а также суверенный контроль над топливно-энергетическим комплексом и стратегическими коммуникациями способ-

ны гарантировать «политическую рамку» достижения национальной конкурентоспособности.

Глобальная энергетическая безопасность — гарантия нашего суверенитета. Россия отнюдь не стремится к имперскому доминированию на мировых сырьевых рынках. Национальные интересы страны в сфере энергетики заключаются прежде всего в стабильности отношений с потребителями нашей продукции и справедливых ценах. Но — не только. Как справедливо отмечает Владимир Путин, Россия очень жестко ориентирована сегодня в поставках энергоносителей на европейский рынок. Диверсификация поставок с помощью таких проектов, как нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан, способна существенно снизить зависимость страны от традиционных потребителей сырья. А Североевропейский газопровод естественным образом снимает проблему транзита газа через ряд стран Восточной Европы. Однако надо ясно осознавать: цель российской политики в области энергетической безопасности — не превращение населения в «отряд по охране трубы», не консервирование сложившейся структуры экономики, а приток инвестиций в обрабатывающие отрасли, развитие высоких технологий и стимулирование инновационной активности. Через два десятилетия экономическая модель должна стать качественно иной — инновационной. Другого выхода нет.

Ограничение национального суверенитета сетевым управлением и транснациональными корпорациями противоречит логике Вестфальской системы 1648 года и разрушает действующую систему Ялты — Потсдама — Хельсинки. Кто учреждал систему соотношения суверенитетов и определял политический смысл суверенитета? Крупнейшие мировые державы XVII–XX веков. Недавняя дискуссия в «Российской газете» показала: и руководители представленных в парламенте политических партий, и представители экспертного сообщества выразили весьма жесткое неприятие «ползучего» ограничения суверенитета тех держав, которые учреждали

действующую систему международно-правовых отношений. Прежде всего российский истеблишмент считает недопустимым отказ от принципа невмешательства во внутренние дела — даже под предлогами «распространения демократии» и «соблюдения прав человека». Тем более что за этими универсальными, но довольно расплывчатыми формулами часто стоят конкретные экономические интересы крупнейших держав, и прежде всего интересы сырьевых корпораций.

Доктрина суверенной демократии способствует дальнейшему встраиванию в сложившуюся политическую систему парламентской оппозиции и изоляции оппозиции внесистемной. Электоральный цикл 2007–2008 годов внесистемная оппозиция де-факто считает для себя потерянными. «Империя свободы» Михаила Касьянова в этом отношении весьма показательна: помимо ее очевидной общей слабости, размытости и вторичности, пассажи о диалоге и круглых столах явно адресованы не практической политике, а будущему. Не говоря уже о том, что, конструируя «империю свободы», экс-премьер вынужден реагировать на доктрину суверенной демократии и высказываться по повестке дня, сформулированной отнюдь не им. При этом с основами суверенной демократии никто из серьезных деятелей оппозиции по существу не спорит. Показательно, что даже секретарь ЦК КПРФ по идеологии Иван Мельников признал ценность суверенитета и демократии для коммунистов.

Необходимо давать ответы на реальные угрозы национальному суверенитету и национальной модели демократии.

Угроза первая — быть иванами, не помнящими родства. В проведении практической политики необходимо опираться на историческую традицию, в том числе использовать опыт СССР — разумеется, не лагерного барака, но модернизационного проекта.

Вторая угроза — проиграть в конкурентной борьбе. Ответ на нее — суверенный контроль над топливно-энерге-

тическим комплексом и стратегическими коммуникациями, а также использование исключительного российского положения на энергетическом рынке в качестве инструмента для развития высоких технологий и инноваций.

Угроза третья — ослабление обороноспособности. Ответ на нее вполне возможен: сохранять в постоянной боевой готовности стратегические ядерные силы, модернизировать силы быстрого развертывания и гарантировать постоянную адекватность ситуации военных расходов.

Угрозы олигархического реванша и национал-диктатуры также реальны. Путь их преодоления — создание национальной элиты и продолжение демократизации. А чтобы избежать утраты мобильности правящей элиты, необходимо создавать и совершенствовать механизмы постоянного обновления национальной элиты и широкого диалога ответственных политических сил.

Доктрина суверенной демократии представляет собой серьезный фактор реальной политики. У нее действительно есть реальный шанс стать не только основой программы «самой популярной партии» (Владислав Сурков), но и базой национальной программы устойчивого демократического развития. Она опирается на широкий внутриэлитный консенсус и новое путинское большинство — устойчивую национальную модернизаторскую коалицию. Наконец, она апеллирует к базовым ценностям современной России (материальное благополучие, свобода и справедливость).

Колоссальное количество мнений о суверенной демократии — очевидный знак того, что в России возможна и необходима напряженная интеллектуальная дискуссия. Она идет уже более полутора лет. Наличие акцентов в проводимой политике (а эти акценты подчеркивали и Дмитрий Медведев, и Борис Грызлов, и Юрий Лужков, и Минтимер Шаймиев, и Валерий Зорькин) характеризует российский правящий класс не как замкнутую сословную группу, а как широкую элитную коалицию, способную и к внутриэлитному диалогу, и к широкому диалогу

с обществом и интеллектуальной средой. Нужно только не потерять в дискуссии общего для всех, сущностного, главного. Главное — в том, что Россия действительно стала другой. Какой? Суверенной, а значит, самостоятельно принимающей политические и экономические решения. Демократической, а значит, развивающей собственные демократические институты. И этого уже не изменить.

Андраник Мигранян*

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Никогда в истории не было «суверенитета для всех». И во времена Вестфальского мира, и в эпоху Ялты и Потсдама собирались несколько великих держав, обладавших реальным суверенитетом, и решали проблемы суверенитетов других государств. Есть страны, которым не нужен суверенитет, и они этого не скрывают. Реальных же суверенных государств за всю историю было совсем немного.

Евгений Примаков задается вопросом: а что, разве есть несuverенная демократия? Конечно, уважаемый Евгений Максимович. Даже такие великие державы, как Германия и Япония, полным суверенитетом не обладают. Только оккупационный режим помог этим народам и этим государствам создать у себя либерально-демократические институты и ценности. Без посторонней помощи их создали только Англия и после нее — США. Единственная страна в Европе, которая смогла создать суверенную либеральную демократию вне англ-

* Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по вопросам глобализма и национальной стратегии развития.

лосаксонской модели, — Франция. Но каким трудом и какой ценой?

Глобальный баланс сил сегодня нарушен. Мы сталкиваемся с тем, что одна держава, доминирующая в мире, использует в этих целях собственную идеологическую концептуальную установку. А какие лозунги нужны, чтобы доминировать? В 70-е годы прошлого века США в целях вмешательства во внутренние дела других стран придумали универсальную формулу — обеспечение прав человека и демократических свобод в мире. Под ее прикрытием осуществлялось давление прежде всего на СССР и входившие в советский блок страны Восточной Европы. Рассказывают, что в 1976 году Збигнев Бжезинский хвалился: мы, мол, придумали «дубинку, которой будем бить по голове Советскому Союзу». Во времена Рональда Рейгана эта дубинка была особым инструментом во внешней политике США. И Вашингтон сам определял, кто в мире демократичен, а кто нет, где соблюдаются, а где игнорируются права человека.

С учетом этого опыта понятие «суверенная демократия» можно рассматривать в качестве идеологической и внешнеполитической контрконцепции, которая может быть использована Россией, Китаем, Индией, некоторыми странами СНГ, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки как инструмент противодействия вмешательству США.

Эта концепция может объяснить чрезвычайно важный процесс, который происходит в этих странах: формирование политических институтов и ценностей на пути создания собственной модели либеральной демократии. В схожем направлении развиваются политические системы и более продвинутых западных демократий. Но вышеназванные государства усваивают демократические ценности исходя из собственных исторических традиций и особенностей. Они не хотят и не могут перенести на национальную почву готовые модели. Следствием будет отторжение — как не раз бывало, когда пытались механи-

чески заимствовать американские, британские, французские конституционные образцы. В них идеально прописывались демократические права и свободы личности и механизмы функционирования системы, но шансов «пустить корни» не было.

В отличие от «цветных» революций, используемых для «строительства» мира по-американски (*Pax Americana*), концепцию суверенной демократии могут применить лишь те страны, которые сами хотят развить демократические институты. На всякое западное вмешательство они вправе ответить: мы строим демократию, движемся в русле западных ценностей, но мы сами определяем повестку дня этого процесса. И, конечно, безоговорочным условием такого движения является реальный государственный суверенитет — ибо иначе невозможно обезопасить себя от вмешательства извне, со стороны тех сил, которыми движет соблазн определять внутреннюю и внешнюю политику других стран.

При суверенной демократии сами страны, народы, политические классы без искусственного подталкивания определяют время, темпы и последовательность развития политических институтов и ценностей. Необходимо, чтобы этот процесс вытекал из внутренней логики внутриполитического развития государства, природы существующего режима.

Очевидно, что в термине «суверенная демократия» сведены два понятия, относящиеся к принципиально разным сферам жизни государства: понятие «суверенитет» обычно применяется к государству как субъекту международных отношений, а «демократия» олицетворяет форму политической власти. Государство может иметь ограниченный суверенитет вне зависимости от формы политической власти — демократической, авторитарной или даже тоталитарной.

Зачем России концепция суверенной демократии? Дело в том, что власть не удовлетворена определениями сложившегося в 2000-е годы режима — «управляемая де-

мократия», «авторитарный режим» — как неадекватно отражающими его характер.

Наши либералы дважды уничтожили собственное государство. Сейчас, когда власть говорит о суверенной демократии, она впервые держит пропагандистскую инициативу в своих руках.

Если применительно к существующей власти используется термин «суверенная демократия», предполагает ли это наличие какой-то особой демократии, которая отрицает само понимание универсальных демократических институтов и ценностей, присущих западным странам? Конечно, нет. Совершенно очевидно, что авторы концепции признают наличие универсальных ценностей либеральной демократии и не собираются от них отказываться. Ведь есть некая идеальная модель демократии (будь то плюралистическая, элитарная, плебисцитарная, демократия согласия и так далее), в рамках которой действуют принципы индивидуальной свободы человека как неотчуждаемой от него сферы. Именно модель демократического развития определяет характер отношений между государством, гражданским обществом и индивидуумом.

Михаил Рогожников *

ЧТО ТАКОЕ СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Далеко не всякий суверенитет гарантирует развитие страны и ее граждан. И совсем не каждая демократия означает, что управление страны осуществляется исходя из национальных интересов. Активно дискутируемый последние полгода термин «суверенная демократия» обозначает в первую очередь не что иное, как статус Российской Федерации. Его никоим образом нельзя считать названием новой идеологии. При этом он, однако, обозначает ту политическую константу, ту область консолидации, к которой пришло российское общество в результате «переверстки» политической системы последнего 15-летия.

Отличие суверенной демократии от множества иных определений особенностей демократического строя — либеральная демократия, социалистическая демократия, охранительная, прямая, плебисцитарная и многие другие демократии — состоит в том, что этот термин в меньшей степени касается внутренних особенностей

* Заместитель директора Института общественного проектирования.

политического режима. Он характеризует политическую систему в целом как с внутренней, так и с внешней точки зрения.

В отношении внутреннего суверенитета суверенную демократию трудно, наверное, трактовать лучше, чем сказанными четыре столетия назад словами Фрэнсиса Бэкона об английском законодательстве: «Суверенитет и свободы парламента — суть два основных элемента этого государства, которые... не перечеркивают и не уничтожают, а усиливают и поддерживают друг друга». А в федеративной России, ищущей баланс прав «субъектов» и Федерации, суверенная демократия подчеркивает значение демократического начала именно в общегосударственном смысле.

Но не менее, если не более, в трактовке суверенной демократии важен аспект внешнего суверенитета. Мы как-то привыкли рассматривать политическую систему как замкнутую. И при таком подходе, конечно, нюансы ее устройства приобретают чрезмерное значение принципиальных вопросов. Речь не о том, что от вникания в эти нюансы надо вообще отказаться, но о том, что принципиальные вопросы — не эти.

Политико-философский смысл термина «суверенная демократия» основан на современном понимании нации как демократии (которое отмечает американский историк Джон Лукач). Обратите внимание: раньше, имея в виду страны Европы, говорили о европейских нациях, теперь же много чаще говорят о европейских демократиях. Нация — политический этнос, демократия — объединенный идеалами и государственностью народ, в том числе (и в последние десятилетия — как правило) многонациональный.

Надо только оговориться, что демократия, безусловно, не целиком заменила собой многозначное понятие «нация», а лишь одно из его значений — так называемую государство-нацию.

Так что, когда мы говорим о суверенной демократии, мы имеем в виду Россию как суверенную демократиче-

скую нацию. То есть мы живем не «при», а «в» суверенной демократии. Этот термин тем не менее косвенно определяет и внутренний характер демократии как способа политического устройства общества. Каким образом — станет ясно после того, как будут уточнены смысл и актуальность определения «суверенная».

Современное понимание суверенитета демократического государства означает, что государственная власть, основанная на суверенной воле народа, независима от кого бы то ни было во внутренних делах и в международных отношениях. Суверенитет отнюдь не столь сама собой разумеющаяся вещь, как может показаться. Непосредственно основанное на идеях Вудро Вильсона и провозглашенное затем в учредительных документах ООН равноправие и самоопределение народов (суверенное равенство) на практике ни до, ни после возникновения новейшей системы международного права не обеспечивало одинакового уровня суверенитета всем странам.

Так, до 1918 года полностью суверенными были «державы»: Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Россия, Франция, Италия, Соединенные Штаты и Япония. А как отмечал позднее Николай Васильевич Устрялов: «Для подавляющего большинства «суверенных» государств это право становится все более и более абстрактным, поскольку реально каждое государство все в большей степени зависит от условий международной жизни. А вслед за внешним суверенитетом под угрозой оказывается и внутренний».

Сейчас полностью суверенными можно считать США, Китай, Россию, Великобританию (занимающую особую позицию по ряду вопросов в ЕС) и Индию. Наибольшим испытаниям по разным причинам подвергаются суверенитеты Великобритании и России. Нашей стране удалось удержать развалившийся суверенитет СССР, но борьба за него не только не завершена, но скорее разгорается.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1991 года и Беловежские соглашения о создании

Содружества Независимых Государств только начали процесс установления Российской Федерацией суверенитета (верховенства политической власти и законов РФ) на всей ее территории и в международных отношениях. Этот процесс далеко не закончен до сих пор. Он осложняется внешними факторами и противоречив внутренне.

Начать с того, что постановка всерьез вопроса о статусе России как суверенной демократии десять с небольшим лет назад вызвала бы и у Запада, и у многих в России искреннее недоумение. То, что центр управления находится за пределами страны, было фактом и считалось нормой.

То есть на формальную независимость никто не покушался, да и кому она была нужна? Но общепонятным казалось, что экономическая политика страны подконтрольна Международному валютному фонду, который управлял российскими финансами, и Всемирному банку, управлявшему приватизацией и отраслевой политикой.

Столь же очевидным было, что политический режим устойчив в той степени, в которой он устраивает группу ведущих стран, прежде всего США. Мало у кого вызывало протест то, что там выставляются оценки степени демократизации. Общим был курс на интеграцию в некое мировое сообщество на условиях этого сообщества.

У нас на глазах за последние пять лет эта картина изменилась до неузнаваемости. В экономике это лучше всего заметно по динамике внешнего долга и в целом по характеру взаимодействия с международными институтами. Что касается политического суверенитета России, то здесь изменения четче всего фиксируются не по внешней, а по внутренней политике. Не претерпев никаких изменений за семь с половиной лет (с конца 1993 по середину 2000 года), за пять последующих политическая система России трансформировалась почти полностью. Неизменным по сути остался только институт президентства, но и тот основан на новом законе. При прежнем характере отношений с мировым сообществом такая динамика была бы невозможна.

Растущий суверенитет создает новые вызовы. Место России в мировом порядке никому не понятно, разброс вариантов огромен. Во внутренней политике оппозиция получила зарубежную поддержку, чего нельзя было себе представить в предыдущее десятилетие. Никто пока не собирается оставить в покое юг России, который является источником событий, время от времени потрясающих до основания всю страну.

В экономике на роль Международного валютного фонда и Всемирного банка претендуют международные корпорации, для которых Россия становится все более привлекательным объектом по ряду причин, среди которых и политическая стабильность, и феноменальная конъюнктура сырьевых рынков, и слабость национальной финансовой системы.

Большинство перечисленных вызовов — пока еще проба сил, но это до поры до времени.

Еще серьезнее, однако, то, что постановка вопроса о России как о суверенной демократии нова не только для «мирового сообщества», но и для нашей собственной элиты.

В политическом дискурсе это выражается, с одной стороны, в полном отказе традиционных демократических групп (ультралибералов) обсуждать сам вопрос о способности нашей страны сказать свое слово как во внутренней, так и в мировой политике. А с другой — с этими группами парадоксальным образом смыкаются традиционалисты более старой закваски (ультраконсерваторы), сваливающиеся в апологетику характерной якобы для России военно-полицейской модели.

И те и другие, однако, одинаково сильно любят иностранные деньги. И обладают одинаковой склонностью к монопольной концентрации власти и собственности.

При этом ультралибералы являются прямыми противниками суверенной демократии, стремясь вернуть «центр управления» за пределы страны. Риторика ультраконсерваторов противоположная — закрытость от

внешнего мира, государственная монополия на политический и экономический процесс. Однако, поскольку и то и другое приводит к краху, победа точки зрения ультраконсерваторов дала бы результат, совпадающий с намерениями ультралибералов, что уже и произошло 15 лет назад.

В либерально-консервативной части политического поля должны сосредотачиваться национальная буржуазия, военные, средний класс и их духовные и политические представители. Сейчас эти группы, весьма обширные и потенциально очень влиятельные, в очень небольшой степени сознают свои общенациональные интересы, и прежде всего то, что проект России как суверенной демократии — это их проект.

*«Эксперт»,
14 ноября 2005 года*

Вячеслав Никонов*

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В последние месяцы для описания политической идеологии Кремля ее творцы все чаще используют словосочетание «суверенная демократия». Особенно отчетливое звучание этот термин и описываемая им концепция получили в нашумевшем выступлении заместителя руководителя Администрации президента Владислава Суркова на совещании в «Единой России». Вокруг суверенной демократии сразу же вспыхнули споры, кто-то увидел в ней попытку вообще свернуть демократию и вернуться в советское прошлое, кто-то — создание «крепости России», самоизолирующей себя от остального мира. О чем же в действительности идет речь?

Прежде всего следует подчеркнуть, что концепция суверенной демократии действительно существует и действительно является доминирующей в идеологическом арсенале российского руководства. И она антиизоляционистская и вполне демократическая.

* Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии, президент фонда «Политика».

Несмотря на очевидное неприятие большинством населения самого понятия «демократия», ассоциирующегося с разрухой и смутой 1990-х, и несмотря на подозрения в отношении авторитаризма Владимира Путина, власть твердо намерена следовать по пути развития России как демократического государства, потому что свобода лучше несвободы и еще ни одно недемократическое государство не стало процветающим (за исключением купающихся в нефти крошечных эмиратов). Гибкое демократическое государство гораздо лучше приспособлено к тому, чтобы встретить вызовы все более сложного постиндустриального общества, где мириады самостоятельно действующих субъектов должны постоянно реагировать на мириады самых разнообразных импульсов, не дожидаясь решения некоей единой всезнающей инстанции. Без свободы предпринимательской деятельности, плюрализма мнений, уважения прав меньшинства, свободы информации развитие в современном мире просто невозможно. При этом демократия — это не когда у власти находятся люди, называющие себя демократами (часто по недоразумению), а когда обеспечиваются правление закона и ответственность власти перед теми, кто ее избирает, а не перед кучкой олигархов.

Мне не доводилось встречать в высших эшелонах власти людей, считающих Россию уже состоявшейся или тем более идеальной демократией (да и где она, идеальная?). Есть понимание, что на создание институтов развитой демократии уходят годы, и России предстоит сделать еще очень многое на этом пути: принять десятки законов, привести в порядок судебную систему и избирательную процедуру, создать современные партии, сформировать средний класс и национально мыслящий крупный капитал, поменять менталитет политического класса и рядовых людей, чтобы появился «демос» — сознательно и самостоятельно действующие граждане. Демократия укрепляется, когда общество имеет волю подчиниться им же самим установленным правилам и обрета-

ет способность осознать эту волю. На все это уйдет время, и никакие подталкивания, тем более извне, ни к чему хорошему привести не могут.

Россия вовсе не намерена соглашаться на роль нерадивого ученика, которого мудрый и справедливый учитель отчитывает за невыученные уроки. Мы не ученики, а мудрость учителей демократии под большим вопросом на фоне Ирака, тысяч арестованных, содержащихся без суда и следствия в Гуантанамо и других тюрьмах, массового прослушивания собственных граждан без санкций суда и так далее, и тому подобное. И у всех в памяти прошедшее десятилетие, когда мы потеряли половину экономики, строго следуя советам учителей из международных финансовых организаций.

Никто не определит за Россию ее судьбу, и Кремль не советует пытаться это делать никому, кто хотел бы поддерживать с нами конструктивные отношения. Попытки извне повлиять на политическую ситуацию или избирательный процесс будут не просто не приветствоваться, а пресекаться. Демократия в России будет укрепляться в условиях безусловного суверенитета, под которым принято понимать независимость государства во внешних и главенство во внутренних делах. Суверенная демократия, обращенная вовне, означает признание права каждого народа на свободное от внешнего вмешательства развитие и примат международного права.

Принцип национального суверенитета, согласно которому нация-государство является источником высшей политической власти, осуществляемой в полной мере в пределах собственной территории, был рожден Вестфальским договором 1648 года, который положил конец Тридцатилетней войне. На Западе, особенно в США, весьма популярна точка зрения, будто Вестфальская система международных отношений умирает или уже умерла вместе с лежащими в ее основе суверенными государствами, растворяющимися под влиянием глобализации и интеграционных процессов.

И на самом деле в мире есть немало государств, которым суверенитет (особенно чужой) не интересен. Его с удовольствием отрицают те, кто обосновывает собственное право на вмешательство во внутренние дела различных стран или военную интервенцию — по гуманитарным причинам или для смены неправильного режима. Другие государства сами спешат отказаться от суверенитета, отдавая львиную его долю наднациональным структурам типа Европейского союза или НАТО. Особенно это касается стран, не имевших длительной истории собственной суверенной государственности.

Для России суверенитет не просто интересен, он ей жизненно необходим и во многом неизбежен. Потому, что мы верим в международное право. Потому, что мы единственная европейская нация (за исключением, пожалуй, Великобритании), которая имеет более чем полутысячелетнюю историю суверенного существования и не мыслит себя в других параметрах. И потому, что интегрироваться, жертвуя суверенитетом, нам просто некуда. Мы не менее Европа, нежели остальная часть Старого Света. Но Россия не интегрируема ни в ЕС, ни в НАТО ни в какой обозримой перспективе, ее туда не примут — она слишком большая и самостоятельная. А в Азии вообще нет интеграционных структур. Поэтому уже в силу своего положения в мире мы во многом обречены оставаться суверенной страной и самостоятельным центром силы, как США, Китай, Индия или Евросоюз.

Но хватит ли у России сил на эту роль? У нас нет оснований для самоуничужения. Россия — не одна из двух сверхдержав, но одна из великих держав. Мы являемся государством первого порядка как один из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, как единственная евро-тихоокеанская держава, как энергетическая, ядерная, космическая, ресурсная сверхдержава, внесшая огромный вклад в развитие мировой цивилизации на протяжении всего последнего тысячелетия. Социально-экономическая, технологическая и политическая модернизация

ция должны позволить и по остальным параметрам выйти на уровень, соответствующий мировой державе. По наиболее авторитетным прогнозам, в середине XXI века мы будем пятой экономикой мира — после Китая, США, Индии и Японии.

И Россия вовсе не собирается самоизолироваться. Она в полной мере готова участвовать в организациях, выполняющих функции головного мозга, управляющей системы современного мира, выстраивать политику равноприближенности к остальным центрам силы. И жить в мире с собой и с остальным миром.

Владислав Сурков*

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

[параграфы про суверенную демократию]

§0. Предположение

Люди стремятся жить свободно в составе сообществ, организованных на справедливых началах. Для большинства в определенном социальном масштабе таковыми сообществами являются нации** . **Достоинство свободного человека требует, чтобы нация, к которой он относит себя, была также свободна в справедливо устроенном мире.**

Высшая независимая (суверенная) власть народа (демократия) призвана соответствовать этим стремлениям и требованиям на всех уровнях гражданской активности — от индивидуального до национального.

Она утверждает принципы массового правления в качестве естественных для массовых культур в эпоху массового доступа к знаниям (информации) и средствам коммуникации. Она осуществима в сложном и усложняю-

* Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации – помощник Президента Российской Федерации, магистр экономических наук.

** Здесь нация понимается как сверхэтническая совокупность всех граждан страны. Применительно к России: «нация» в данном тексте ~ «многонациональный народ» в тексте Конституции. Т. е. российская нация (народ) объединяет все народы (национальности?) России в общих границах, государстве, культуре, прошлом и будущем.

щемся во времени взаимодействии государственных, корпоративных и частных влияний.

Здесь, в России, ей предстоит: испытать на себе и обратить в свою пользу мощь глобализации; добиться вытеснения засоряющих перспективу теневых институтов коррупции, криминального произвола, рынка суррогатов и контрафакта; устоять перед реакционными приступами изоляционизма и олигархии*. Создать новое общество, новую экономику, новую армию, новую веру. Доказать, что о свободе и справедливости можно и должно думать и говорить по-русски.

§1. Определение

Рассуждение о суверенной демократии в России отвечает положениям Конституции, согласно которым: во-первых, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»; во-вторых, «никто не может присваивать власть в Российской Федерации».

Таким образом, **допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими.**

§2. Дополнение

Краткими определениями суверенной демократии способны служить почти буквальные переводы этого терми-

* Грубейшая и глупейшая ошибка обзывать олигархом каждого крупного предпринимателя. Олигархический капитал — только тот, что сознательно используется для институализации коррупции и манипулирования, незаконной узурпации государственных функций.

на на старомодный («самодержавие народа») и современный («правление свободных людей») русский.

Кстати, обозначаемая этим термином сумма идей под разными названиями так или иначе реализуется многими амбициозными нациями.

Данные идеи исходят из представления о справедливом мироустройстве как о сообществе свободных сообществ (суверенных демократий), сотрудничество и соревнование которых осуществляются по разумным правилам. И потому — предполагают либерализацию международных отношений и демонополизацию глобальной экономики. Чем, конечно, раздражают планетарных силовиков и монополистов.

Что касается национальных эмоций, то в этом измерении **концепция суверенной демократии претендует на выражение силы и достоинства российского народа через развитие гражданского общества, надежного государства, конкурентоспособной экономики и эффективного механизма влияния на мировые события.**

§3. Возражение

Возразить крикливой фракции «интеллектуалов», для которых солнце восходит на западе, нетрудно. Достаточно напомнить, что суверенная демократия отнюдь не доморощенная затея. Напротив — широко распространенное и признанное практикующими политиками понятие: «Успешная трансформация новых независимых государств в суверенные демократии является центральным звеном европейской стабильности» (У. Кристофер, государственный секретарь США, 1994 г.); «...наш [Европейский] Союз хранит сущность... федерации суверенных демократий» (Р. Проди, председатель Европейской комиссии, 2004 г.).

Серьезные критики указывают, что демократия не нуждается в определениях, она либо наличествует, либо отсутствует. А любое уточняющее прилагательное означает или авторитарное поползновение, или софистический подвох.

Между тем, давно и точно замечено: демократия не факт, а процесс, затрагивающий самые разные области жизни людей. И процесс этот «пошел» не пять минут назад.

Многие общества в свое время считали себя демократическими, ограничивая при этом права женщин и расовых меньшинств и даже (несколько раньше) приторговывая невольниками. Была ли та демократия такой же, как теперь? И если все-таки нет, то как обойтись без определений?

Например, относительно недавно, в конце прошлого века, некоторые эксперты стали отличать «плюралистическую» (более «современную») демократию от «мажоритарной». То есть в оценках полноты народного правления сместили политологический акцент с доминирования самой большой группы избирателей (которая при всем к ней уважении не представляет же весь народ) на состязание за доступ к рычагам влияния на власть всех (и самых малых) групп населения. И правильно сделали, жаль только, что не обошлись без прилагательных.

Перенос удара на отдельные составляющие демократического процесса неизбежен и необходим в каждой новой точке исторического пространства-времени. В каждом новом контексте перманентного соперничества людей и доктрин.

§4. Контекст

Русские инициировали грандиозную демократизацию жизненного уклада — как своего, так и множества находившихся на орбите их политического и культурного влияния народов*. Предприятие это, движимое (очень по-нашему) больше дерзостью, чем расчетом, отягощенное чудовищными ошибками и жертвами, стало вместе с тем самым многообещающим актом глобальной модернизации.

* Не будет лишним еще раз заметить: Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской природой ее культуры. И еще раз: не было никакого поражения.

Необратимое усложнение механизмов человеческой экспансии (так называемый прогресс) привело Россию к пересмотру стратегии участия в гонке государственных, экономических и пропагандистских машин. Дизайн последних социальных моделей явно направлен к смягчению политических режимов, росту роли интеллектуального превосходства и информационного обмена, опутыванию властных иерархий саморегулируемыми сетями, короче — к демократии.

Соответствующие преобразования в нашей стране отозвались и драматически сочетаются с глубокими изменениями за ее границами. Демобилизация соцлагеря, удвоив территорию свободы, заодно и невольно открыла различным силам простор для геополитического произвола.

Глобальные плоды просвещения (экономические, информационные и военные инструменты глобализации) самим своим существованием порождают не только надежду на всеобщее процветание, но и соблазн глобального господства. Среди соблазняемых — и некоторые правительства, и банды террористов, и криминальные интербригады.

Конечно, тонкие ценители обнаружат существенную разницу между вселенской бюрократией, всемирным халифатом и всеядной мафией. Но любая чрезмерная централизация материальных средств тотального контроля и уничтожения, тотального производства и потребления, тотального манипулирования и коррупции формирует тотальную (тоталитарную) власть. А значит — непоправимую несправедливость и несвободу. Что крайне нежелательно в любой отдельно взятой стране и абсолютно неприемлемо в глобальном масштабе.

Сохраняя демократический порядок (целостность многообразия) в нашей стране, ее граждане способны ради защиты собственных прав и доходов участвовать в поддержании баланса многообразия в мире. Навсегда расставшись с гегемонистскими претензиями, не дать обзавестись ими кому бы то ни было. **Быть на стороне сооб-**

щества суверенных демократий (и свободного рынка) — против каких бы то ни было глобальных диктатур (и монополий). Сделать национальный суверенитет фактором справедливой глобализации и демократизации международных отношений.

В таком деле — есть прагматизм и романтика. Найдутся союзники и противники. И — может заключаться миссия.

§5. Ударение

Военно-полицейский аспект национальной самостоятельности, в той или иной мере присущий всем государствам, в российском случае слишком часто проявлялся сверх всякой меры, принимая крайние формы изоляционизма и неистового администрирования. Понимание же суверенитета как свободы и конкурентоспособности открытого общества только начинает складываться, отсюда — актуализация темы.

Демократия наша — фактически ровесница века, свежий продукт трагической трансформации через царизм, социализм, олигархию. Дело для многих все еще непривычное, поскольку никогда прежде наше государство не отличалось щепетильным отношением к гражданским правам.

Поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности, — задача для начинающих нетривиальная.

И вот — несмотря на то что прилагательные теперь под подозрением, ударение может быть поставлено: суверенная.

§6. Суверенная

Некоторые подвижники коммерческой философии, трудящиеся в специализированных «некоммерческих» и «неправительственных» организациях, пишут, что в наш

век интеграции и взаимозависимости глупо цепляться за суверенитет. Вряд ли, впрочем, среди правительств — спонсоров подобных писаний найдется хоть одно, готовое у себя дома ликвидировать национальное законодательство, экономику, армию и самое себя.

В пример десоверенизации во имя всего наилучшего приводят Евросоюз. Забывая о заминке с евроконституцией (что, допустим, поправимо). И о том, что речь идет либо о становлении устойчивой ассоциации суверенных государств, либо (в самых смелых мечтах) о синтезе мультиэтнической евронации и ее, так сказать, всесоюзном суверенитете, какими бы политкорректными эвфемизмами он ни обозначался.

Для России жертвовать сегодня национальной свободой ради модных гипотез было бы так же безрассудно, как в свое время — ради карлмарксовых призраков. А расплачиваться ей за еду и одежду (и даже за «оборудование») — и безрассудно, и унижительно.

Суверенитет, будучи «полнотой и независимостью власти», не отменяется. Но — меняется его содержание вместе с манерой властвования. Образ государства, рассредоточенный из дворцов и крепостей по присутственным местам, избирательным участкам и телеэкранам, демократизируется. Массовые действия являются в большей степени итогом обсуждения и убеждения, чем принуждения. Среди символов могущества все ярче выступают передовая наука, моральное преимущество, динамичная промышленность, справедливые законы, личная свобода, бытовой комфорт.

Основным ресурсом обеспечения суверенитета признается не просто обороно-, а комплексная конкурентоспособность. Которая обретается на воле, в открытом соревновании, никак не в бомбоубежище или теплице.

Наднациональные и межгосударственные структуры разрастаются отнюдь не в ущерб «полноте и независимости». Им делегируется не власть, как мерещится многим, а полномочия и функции. Право же делегировать (а зна-

чит — и отзывать), то есть собственно власть — остается национально-государственной.

Конечно, политическое творчество далеко не всех наций увенчивается обретением реального суверенитета. Многие страны и не ставят перед собой такую задачу, традиционно существуя под покровительством иных народов и периодически меняя покровителей. Размножение развлекательных «революций» и управляемых (извне) демократий, кажущееся искусственным, на самом деле — вполне естественно среди таких стран.

Что касается России, прочное иновластие здесь немислимо. Маргинальные союзы бывших чиновников, действующих нацистов и беглых олигархов, взбадриваемые заезжими дипломатами и незатейливой мыслью о том, что за граница им поможет, могут пытаться разрушить, но никогда не смогут подчинить общество, для которого суверенитет — гражданская ценность.

Встречается мнение, будто десуверенизация нашего государства никому не интересна (или нереальна). Но повсеместная и повседневная нужда в сырье и безопасности так громадна, а здешние запасы ядерного оружия, нефти, газа, леса, воды так обильны, что излишнее благодушие едва ли уместно. Особенно если учесть, насколько возможность осознания, защиты и продвижения наших национальных интересов снижена повальной коррупцией, диспропорциями экономики и простой медлительностью мысли.

Центр прибыли от международных проектов использования российских ресурсов должен закрепиться в России. Так же как и центр власти над ее настоящим и будущим.

§7. Демократия

Демократия у нас прижилась, но приживалка она или хозяйка — пока вопрос. Формальные ее характеристики

(сколько и каких надо партий, президентских сроков, «преемников», социальных пособий, судов, муниципальных образований, государственных предприятий, независимых СМИ...) обсуждаются регулярно и остро.

Среди производимых по столь важным и занимательным поводам шумов теряются на дальнем плане слова о свободе, справедливости, доверии. Общественные ценности и мораль почитаются темой чуть ли не академической, а то и вовсе демагогической.

Так и поднятая Президентом идея сбережения народа расслышана только как поручение платить рожаящим женщинам. Платить, конечно, нужно, и поручение такое есть. Но идея сбережения не плоско демографическая, она фундаментально демократическая.

Социальная расточительность, привычка сорить людьми («у Бога людей много»), изводить друг друга без счета и смысла коренится глубоко в прошлом.

Россия теряла в страшных войнах больше солдат, чем любой ее союзник или враг. А крупнейшие социально-экономические достижения обретала в периоды деспотического реформирования, подобные войнам.

Окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нельзя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества. Политическую неряшливость, с какой водворялась демократизация, могла себе позволить лишь высокомерная и не знакомая с общественным контролем номенклатура. Подменившая легитимную власть олигархия сопровождалась пандемией нищеты, коррупции и заказных убийств, настоящим коммерческим террором, самоистреблением за деньги.

Мрачными парадоксами прогресса отмечены биографии всех великих наций. Но утешения сравнительной тератологии отвлекают от насущного вопроса: может ли Россия расти иначе? Или всегда — через силу? Возможны ли ее свободное развитие, мирное строительство, ненасильственная модернизация?

Впервые за тысячу лет наше общество так свободно. Складывающийся порядок бранят. И прекрасно, поскольку громогласное негодование по случаю изъянов и отступлений демократии — неотъемлемая ее черта. Одни принимают всякую сложность за хаос, разнообразие за развал, музыку за сумбур. Другие шарахаются от малейшей тени регламента и процедуры.

Правда, среди одних и других встречаются суеязящиеся перверты с необыкновенной легкостью в мыслях. Смесь дурно понятого традиционализма и либеральных суеверий прописывается простыми рецептами всем страдающим от нехватки денег, воображения и должностей. Бомбометания, баррикады, перевороты, погромы проповедуются настойчиво и с покушениями на литературность.

Задворки демократий всегда кишат радикалами. О них не стоило бы и вспоминать, если бы их не пытались использовать для ослабления национального иммунитета. Если бы опыт свободной России был не так еще мал, а генетическая память о стране радикально революционной, радикально реакционной и радикально бюрократической не так тяжела и притягательна.

Зыбкость, неукорененность демократических институтов питают кое у кого надежды на возвращение к олигархической либо квазисоветской модели, на присвоение власти отдельными группами денежных и аппаратных интересов.

Впервые в нашей истории есть шанс на излечение хронической болезни судорожного (революционно-реакционного) развития. Усложнение реальности (повышение качества жизни и соответственно качества недовольства ею; предъявление все более строгих требований к лидерству; фабрикация необычных взрывоопасных заблуждений; вызревание неожиданных экономических проблем) удивит уже близкое будущее неминуемыми и невиданными кризисами.

Освоит ли Россия народосберегающие технологии демократии для их преодоления? Или по обыкновению об-

ратится к разорительному и беспощадному огосударствлению? Или — капитулирует и распадется? Оптимистические варианты ответов предполагают национальную солидарность на основе общих ценностей свободы, справедливости и материального благополучия.

Сбережение народа может стать целью и средством обновления. Программой гуманизации политической системы, социальных отношений, бытовой культуры. Навыком бережного подхода к достоинству, здоровью, имуществу, мнению каждого человека.

Время наблюдений ничтожно, смелые выводы делать рано, но первые шаги российской свободы обнадеживают. Демократия справилась с нищетой, сепаратизмом, общественным унынием, правовой разрухой, остановила распад армии и госаппарата. Потеснила олигархию, перешла в решающее наступление на международный терроризм, укрепила экономику... работает...

§8. Работа

Для суверенной демократии, отличаемой от прочих интеллектуальным лидерством, сплоченной элитой, национально ориентированной открытой экономикой и умением защищаться, абсолютно приоритетны:

- **гражданская солидарность** как сила, предупреждающая социальные и военные столкновения. Свободное общество не будет мириться с массовой бедностью (на фоне массового же уклонения от уплаты налогов), убожеством социальной защиты, несправедливым распределением общественных доходов. Равно как и не поставит под сомнение (в условиях необъявленной гонки вооружений) необходимость разумных оборонных бюджетов для поддержания престижа и технического перевооружения армии, флота, спецслужб.

За надежду на мир в будущем нужно платить здесь и сейчас;

- **творческое сословие** как ведущий слой нации, возобновляемый в ходе свободного соревнования граждан, их политических, экономических и неправительственных объединений.

Синергия креативных гражданских групп (предпринимательской, научной, культурологической, политической) в общих (значит, национальных) интересах выглядит позитивной альтернативой самозванству офшорной аристократии с ее пораженческой психологией. Манипуляция и коррупция могут кое-как поддерживать иллюзию государства. Воссоздавать его всерьез по силам только творческому сословию свободных людей, соединенных ценностями, способных к новациям (значит, к конкуренции), движимых личной выгодой к национальным целям;

- **культура** как организм смыслообразования и идейного влияния. Россия должна говорить, что делает, а не делать, что говорят, в роли не рядового обывателя, а соавтора и соактора европейской цивилизации.

Производство смыслов и образов, интерпретирующих всеевропейские ценности и называющих российские цели, позволит ментально воссоединить расстроенную было нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку.

В полемике культур российское сообщение должно быть весомо и внятно, по природе свободно, по существу справедливо, по форме интересно, по тону приемлемо.

Нужно утвердить собственные позиции в философском, социологическом и политологическом дискурсах Запада. А поддержкой искусства (кино и литературы прежде всего) постепенно вернуть покоряющее обаяние отечественной культуры;

- **образование и наука** как источник конкурентоспособности.

Некоторые конкурентные преимущества, унаследованные от СССР (очевидные в энергетике, коммуника-

циях, обороне и в самой сфере образования), должны использоваться для устойчивого развития глобально значимой национальной экономики. Могущественная энергетическая держава (до которой пока далеко) возникнет не в результате гипертрофии сырьевого сектора, а в борьбе за обладание высокими технологиями связи и информации, энергомашиностроения и энергосбережения, производства принципиально новых видов топлива.

Интеллектуальная мобилизация на подъем перспективных отраслей, доступ к научно-техническим ресурсам великих экономик, усвоение современной исследовательской и производственной культуры могут стать главнейшими задачами и школ, и университетов, и внешней политики, и международной научной и промышленной кооперации.

Система образования — такая же инфраструктура будущей экономики знаний, как трубопроводы для теплешней экономики нефти. И требует не меньшего внимания и сопоставимых инвестиций.

§9. Сомнения

Говорят: «Россия надорвалась — длительное имперское напряжение лишило ее сил, она утратила пассионарность и покидает историю. Россия распадается — Дальний Восток обезлюдел, Кавказ озлоблен. Россия отстала навсегда — сырьевое захолустье, страна рабов/господ и вечной бедности, перебивающейся с хлеба на квас, с пеньки на газ. Россия вымирает физически — летальный исход от потери населения неотвратим...»

Вообще всяких вскриков в пользу невозможности, неподвижности, неучастия, небытия всегда хватает в дни испытаний на прочность. Среди доводов декаданса — вернейшие, такие как лень, равнодушие, невежество, слабость.

Устранение России из будущего, попытка спрятать ее в прошлом от «кошмара» глобальной конкуренции — главное в замыслах обеих реставраций (олигархической и бюрократической).

Реванш олигархии (окончательное решение по неограниченной транснационализации российских экономических и политических активов) предписывает стране потерю субъектности, растворение в глобализации вместо участия в ней.

Реконструкция бюрократического государства, чаемая почитателями советской старины, уведет нас от конкурентной борьбы в тупик политической изоляции и экономического прозябания.

Реставрационные концепции вдохновлены малодушием и неверием (рекламируемыми как «здоровый смысл»), признают за отдельными корпоративными группировками привилегию присваивать власть, постулируют провал модернизации и чреватые разбродом России со всеми печальными последствиями.

Суверен-демократический проект относится к числу допускающих будущее, и не какое-нибудь, но отчетливо национальное. Потому что: народ не наделял ныне живущие поколения правом прекратить его историю; гражданам страны, известной великой цивилизаторской работой, по справедливости принадлежит достойное место в мировом разделении труда и доходов; по древнему принципу «кто правит, того и вера», правящий народ, не утративший веру в себя, — будет.

§10. Русские

Судьба российской нации непрерывно решается как нелинейное уравнение разнородных интересов, обычаев, языков и религий. Русские, неутомимые вершители этой высокой судьбы, плотно сплетены с народами, вовлеченными в создание многогранного российского ми-

ра. Вне татарского, угорского, кавказского измерений русское политическое творчество неполно. Исход из России ее народов в 91-м пережит крайне болезненно. Повторение чего-то подобного — смертельно опасно.

Заглохший (вроде бы) сепаратизм некоторых национально-титолованных территорий оставил повсюду тлеющие очаги культурной замкнутости и архаической нетерпимости. Этнически окрашенные преступные конгломераты (прежде всего террористические) заразили ксенофобией многих людей разных национальностей. Нашлись и среди русских поддавшиеся пропаганде невероятной жизни без соседей и «приезжих».

Шарлатаны, проповедующие прелести этнического уединения, на самом деле пытаются выселить русских из многонациональной России. Куда? В «русскую республику» в границах раннемосковского царства? В этнографический заповедник, где нас никто не достанет, с табличкой «не беспокоить» на заборе?

В каждом регионе и «приезжие», и «местные» должны вести себя в рамках закона и приличия. Этнокриминалитет и сопутствующая ему ксенофобия разрушат русское многонациональное государство, если не будут побеждены правосудием, просвещением и успешным развитием.

Величайшие русские политические проекты (такие как Третий Рим и Третий интернационал) были обращены к людям других народов и открыты для них. Критически анализируя прошлое, признавая ошибки и провалы, мы вправе и будем гордиться всем лучшим, что унаследовано от империи и Союза. В том числе — уникальным опытом взаимопонимания православной церкви с исламской общиной, иными конфессиями, всестороннего взаимодействия и взаимопомощи земель и городов.

Русская мысль органически толерантна. **Русская политическая культура исходит из межэтнического мира и стремится к нему.** Нет никаких сомнений, что русский

демократический проект открыт и должен быть привлекателен для всех российских народов.

§ 11. Европа

В Европе нашу страну представляют по-всякому. Есть нестигаемые приверженцы ветхολатинского слогана *contra omnes moscos et tartaras*. И сомневающиеся, европейцы ли обитают на дальнем евровостоке. Учителя (и добрые, и суровые), претендующие преподавать беспокойному ученику незабываемые уроки разной степени тяжести. И те, для кого Россия — опаздывающий европеец. И те, кому — стратегический партнер и потенциальный союзник.

Недопустимо, чтобы эти представления стали сплошь отрицательными. Впрочем, и превратить их в монотонно приятные вряд ли когда-нибудь удастся.

Все влиятельнейшие европейские нации (Россия в том числе) имеют неоднозначные мнения друг о друге. Век за веком образуя действительно непревзойденную цивилизацию, они не только сотрудничали и взаимно обогащались. Знали также и много горя от ума. Фашистская галлюцинация, бред нацизма, механизированная резня 1914–1918, 1939–1945 годов — произведения (если кто забыл) стопроцентно европейские.

Европа не нуждается в идеализации. Ее теперешнее преимущество в незаурядной воле к рациональному устройству, к поиску мирного пути, по возможности — в обход политических катастроф и ментальных затмений. Бог знает, получится ли, но как минимум в этом смысле Россия, в свою очередь осваивающая демократию, — в Европе.

Здесь же — интеллектуальные ресурсы, без доступа к которым модернизация нашей страны невозможна. Сотрудничество в сфере науки, техники, высшей школы, мультинациональные корпорации в наукоемких и высокотехнологичных отраслях могли бы свя-

зять нашу экономику с европейской и заатлантической вернее и с большей пользой, чем примитивные поставки сырья.

Повторимся, западнее России разные люди: и намеренные подчинить ее, и полагающиеся на взаимовыгодное партнерство. Первым наша демократия способна предъявить решимость в отстаивании суверенитета, вторым — открытость и гибкость, и продуктивность кооперации.

Не выпасть из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России.

§12. Скромность

Терроризм не добит. Инфраструктура изношена. Больницы и школы бедны. Техническая отсталость и бытовая неустроенность удручающе огромны. Творческие силы скудны и распылены.

Когда для выживания нации срочно требуется новая экономика, упущенное время расторопно доедает старую.

Скромность и трезвость самооценки не повредят амбициям, наоборот, сделают их реалистичнее и честнее. Напомнят — давно пора учиться изобретать, управлять, конкурировать.

§13. Величие

Получит ли великая история России великое продолжение, зависит только от нас, ее граждан. Сегодняшнее величие небесспорно, завтрашнее — неочевидно. Президент Путин постоянно напоминает, что на повестке дня не всеобщий отдых под разговоры о великой стране, а активная работа по модернизации.

Пока же велики не столько достигаемые цели и утверждаемые ценности, сколько цены на углеводородное сырье.

Кажется, газированная экономика тонизирует и освежает. Но если и когда она выдохнется, мы увидим, чего стоят ее производные — шипучие амбиции, игристая риторика и дутое благополучие.

Мы обязаны выстроить базис инновационной культуры, системы создания уникальных знаний, поскольку знание — это власть и капитал для сбережения народа. И сейчас, и в посленефтяную эпоху, наступление которой неизбежно.

Мы обязаны конвертировать сырьевую экономику в интеллектуальную, чтобы **проложить России путь наверх, в будущее, в сообщество креативных наций, направляющих историю.**

P.S.

Текст про суверенную демократию, составляемый по ходу дискуссии совместными усилиями сторонников и критиков, — одна из интерпретаций нашего недавнего прошлого и близкого будущего.

Он основан на предположении о неизбежности усложнения и дифференциации социальных структур. Его задача — привлечение общественного внимания к взаимосвязанным вопросам личной свободы (о демократии) и свободы национальной (о суверенитете). Он открыт для согласия и спора. В нем нет почти ничего обязательного и совсем ничего назидательного.

Единственное, на чем настаивает формируемый текст — **справедливость для каждого в России и для России в мире.**

Единственное, чему стремится способствовать — выработка эффективной практики воспроизводства интеллектуальных, моральных, политических и экономических ресурсов свободы.

ПОЛИТИКИ О СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Владимир Путин
Президент Российской Федерации

«...Суверенитет и демократия — это понятия, которые оценивают два разных явления. Суверенитет — это позиционирование страны вовне, в мире, это возможность осуществлять свою внутреннюю и внешнюю политику самостоятельно, без вмешательства извне.

Демократия — это способ организации общества и государства. Это целиком направлено вовнутрь страны.

То есть чисто теоретически это, конечно, разные понятия, понятия из разных сфер, но современный глобальный мир, на мой взгляд, такую площадку для дискуссии на эту тему все-таки создает... И если люди поспорят на эту тему, и в ходе этих споров и дискуссий будут появляться какие-то идеи, которые можно было бы использовать в практическом плане внутри страны и в нашей внешней политике, хуже не будет» (1).

Борис Грызлов

Председатель партии «Единая Россия», Председатель Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации

«...Идеологический посыл, который сформулирован в нашем программном заявлении, — что мы строим государство суверенной демократии. Хочу несколько слов сказать об этом термине. Вот пункт, который находится на первой странице Конституции: “Мы — многонациональный народ Российской Федерации, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы...” То есть вопрос о том, что мы строим суверенную демократию, нашел отражение в Конституции РФ. Я думаю, что у наших граждан он не вызывает сомнений. Здесь есть два понятия: “демократия” и “суверенность”. Я думаю, что наш народ правильно выбрал то, что наше государство должно быть суверенным. Не все государства в мире в своих конституциях принимают такую позицию. Некоторые, наоборот, готовятся к тому, чтобы ими руководили представители других государств во многих направлениях.

Ряд государств, не желая быть суверенными, но являясь демократическими, голосует за ту кандидатуру президента, которую вносят представители других государств. Я думаю, вы понимаете, о какой стране я говорю. **Так что понятие “суверенная демократия” для нас, россиян, безальтернативное. Его мы воспринимаем как аксиому» (2).**

Владислав Сурков

Заместитель руководителя Администрации Президента
Российской Федерации — помощник Президента РФ

«Наша российская модель демократии называется суверенной демократией. Мы строим открытое общество, не забывая о том, что мы свободны... Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, а не управляться извне».

«Суверенитет — это не крепость Россия, как трактуют некоторые наши критики, это не то, что мы с вами взяли и закрыли свои избушки, с утра до вечера пьем водку, дверь на засове держим и знать не знаем соседей, нет! Суверенитет — это открытость, это выход в мир, это участие в открытой борьбе. Я бы сказал, что суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности».

«Эта концепция апеллирует к достоинству и русского народа, и российской нации в целом. Она о достоинстве, о том, что мы есть».

«Получит ли великая история России великое продолжение, зависит от нас, ее граждан. Сегодняшнее величие небесспорно, завтрашнее — неочевидно. Президент Путин все время повторяет: сейчас на повестке дня не “отдых под разговоры о великой стране, а активная работа по модернизации”. Пока велики не столько достигаемые цели и утверждаемые ценности, сколько цены на углеводородное сырье» (3).

Валентин Зорькин

Председатель Конституционного суда Российской Федерации

«Юридически по нашей Конституции нет ничего, кроме того, что Россия есть демократическое и суверенное государство. Следовательно, с этой точки зрения это российская демократия суверенная, а суверенитет — демократический. Иное есть искажение Конституции» (4).

Сергей Шойгу

Сопредседатель партии «Единая Россия», министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

— *Какую тогда мы демократию строим?*

— Кто вам сказал, что демократию надо строить? Это что, коммунизм? Мы его строили 70 лет, настроились — во! Все!

Я вас спрашиваю: по какому праву Запад нас учит демократии? У них что, такая уж демократия верхняя?

Когда один человек единолично решает устанавливать нужный ему строй в другой стране, свергает главу государства? И говорит: «Слушай, он мне не нравится, он не демократ».

Вот у нас мораторий на смертную казнь. Да? А в США электрический стул — «самый демократичный». И шоу: собирается толпа к девяти утра и ждет, чтобы посмотреть на казнь.

— *А что же мы теперь строим?*

— Мы строим не строй, а хорошую жизнь для людей. Рыночную экономику — да, надо строить. А демократия — это данность. Она или есть, или нет. У нас своя суверенная, если хотите, демократия (5).

Сергей Иванов

Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, министр обороны Российской Федерации

«Суверенная демократия — это квинтэссенция нашего внутреннего устройства, подразумевающая право граждан самим определять политику в своей стране и защищать это право от внешнего давления любым, в том числе и вооруженным, путем...

Все демократические государства имеют свои национальные особенности, обусловленные уникальностью их исторического опыта и культурного наследия. А одной из главных демократических ценностей как раз и является право на суверенитет народа в принятии им самостоятельных решений без какого-либо давления извне...

Мы все больше начинаем понимать, что Россия может быть только суверенной демократией, а иначе у нас не останется ни демократии, ни России» (6).

Сергей Лавров

Министр иностранных дел Российской Федерации

«...Мы хотим, чтобы наш суверенитет, носителем которого является российский народ, обеспечивал возможность осуществлять нашу внутреннюю и внешнюю политику самостоятельно, без вмешательства извне» (7).

Юрий Лужков

Сопредседатель партии «Единая Россия», мэр Москвы

«Вот с этими “силой и притязанием” России быть независимой и самобытной, а также с невозможностью “растолочь и растворить” этот российский суверенитет никак и не может примириться Запад.

...И то, что мы имеем сейчас в России — это процесс “исправления” той самой неотличимой от олигархической анархии “дефективной демократии”. Поэтому это ничто иное, как процесс усиления демократии. Пусть сложного, но развития институтов демократии, укоренения демократических традиций в обществе ...это, несомненно, процесс строительства сильного демократического государства, которое может и должно быть достойным и равноправным членом мирового сообщества суверенных демократий» (8).

Минтимер Шаймиев

Сопредседатель партии «Единая Россия», президент Республики Татарстан

«...Назовем ли процесс национальной моделью демократии, суверенной демократией, российским путем к демократии или еще как — содержание одно: это наш путь к общечеловеческим демократическим ценностям. Путь сложный, но преодолимый через обеспечение единства в многонациональной и многоконфессиональной Российской Федерации.

Сегодня Россия одновременно ищет свое место в быстро меняющемся мире и пытается определить идеологический фундамент внутривнутриполитической консолидации. Идея суверенной демократии — удачная, на мой взгляд, попытка дать содержательный, объективный и рассчитанный на перспективу ответ на эти фундаментальные вопросы.

Сегодня чрезвычайно важно, чтобы у партии “Единая Россия”, которую поддерживает значительная часть граждан, была четкая и ясная позиция по основным вопросам демократизации политической системы. Суверенная демократия в этой связи может стать основой программных документов партии. Уверен, что это будет адекватно воспринято большинством россиян, так как эта концепция предусматривает учет в политическом устройстве страны ее особенностей на базе сохранения и укрепления суверенитета России» (9).

Валентина Матвиенко
Губернатор Санкт-Петербурга

«...Если же говорить о сохранении суверенных прав России как независимого и демократического государства в условиях глобальной интеграции, то очевидно: Россия должна использовать новые пути для **усиления общегражданской солидарности и новые стратегии экономического развития.**

Наше время предоставляет новые инструменты и технологии для использования процесса глобализации в интересах суверенного государства, национальной экономики. Очевидно, что для России фундаментальной стратегией экономического развития должен стать постепенный переход от доминирования сырьевого экспорта к высокотехнологичным производствам.

Конкурентоспособность наукоемких и высокотехнологичных отраслей — самый мощный импульс модернизации как региональной, так и национальной экономики. И как следствие — укрепление суверенитета на базе развития рыночных институтов, конкурентной среды, поддержки национального бизнеса и ускоренной интеграции в мировую экономику».

«Для мощного рывка в постиндустриальное будущее Россия должна состояться как суверенная демократия, сочетающая свободу каждого гражданина внутри государства и свободу самого государства проводить независимую политику в ряду других мировых держав. Только так мы сможем гарантированно обеспечить свое будущее и занять достойное место в формирующемся новом мировом порядке» (10).

Вячеслав Володин

Секретарь президиума Генерального совета партии «Единая Россия», заместитель Председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации

«Для “Единой России” суверенное государство, суверенная демократия являются стержневыми понятиями, и мы считаем, что это одни из основополагающих понятий нашей идеологии. Когда здесь звучат слова, что европейский путь для России не может быть совмещен с таким понятием, как суверенная демократия, суверенное государство, мне кажется, это неверно. Европейский путь — это путь успеха, это путь развития. Россия обречена быть суверенным государством и идти по этому пути. Если мы отводим себе роль народа, который будет обслуживать нефте- и газопроводы, потеряв свою суверенность, то это не европейский путь».

«Наша суверенность — это то решение, которое мы должны принять, чтобы быть конкурентоспособными. Конкурировать мы будем только тогда, когда будем суверенны. Или наоборот. Для нас нет здесь другого пути, кроме как путь движения вперед через построение суверенного государства. И кроме этого мы считаем, что демократические ценности — это основа построения суверенного государства. Для “Единой России” суверенное государство, суверенная демократия являются стержневыми понятиями, и мы считаем, что это одни из основополагающих понятий нашей идеологии» (11).

Андрей Воробьев

Руководитель Центрального исполнительного комитета партии «Единая Россия», депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации

«...Демократия как основа политической системы с присущими ей универсальными качествами, такими как свобода слова, право избирать и быть избранным, многопартийностью — является для нас фундаментальной ценностью. Демократия — это свобода политического творчества в рамках определенных стандартов.

А говоря о суверенитете, мы абсолютно исключаем любую форму изоляции от мира, но никогда не смирится с потерей собственного лица. Для нас суверенитет — это возможность и необходимость жить своим умом.

...Для нас суверенная демократия — своего рода бренд, кстати, уже признанный в мире. Это бренд, который несет в себе все, что соответствует нашим программным целям и задачам: построить сильную, безопасную, комфортную для ее граждан и уважаемую в мире страну» (12).

Андрей Исаев

Член президиума Генерального совета партии «Единая Россия»,
председатель Комитета по труду и социальной политике
Государственной думы Федерального собрания Российской
Федерации

«Суверенная демократия» позволяет нам, «Единой России», подчеркнуть ценностный выбор. Мы отделяем себя словом «демократия» от тех, кто в той или иной форме выступает за восстановление авторитарного государственного социализма, и термином «суверенная» от тех, кто в 90-е годы в результате своей деятельности для значительной части общества сделал слово «демократия» ругательным. Мы сознательно выбираем это потому, что суверенная демократия является на сегодняшний день наиболее значимым ценностным выбором, выстраданным нашим народом».

«...Демократия — это не враг суверенитета, это не предательство национальных интересов, это не ситуация, когда государство становится безвольным. Демократия вполне сочетается с суверенитетом. Я согласен, что настоящая, подлинная демократия может быть только суверенной, потому что она должна действовать в интересах большинства. В этом заключается инструмент демократии» (13).

Олег Морозов

Член бюро Высшего совета партии «Единая Россия», первый заместитель Председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации

«Нет ни одной демократии, которая базируется на универсальных ценностях, которая была бы калькой с другой. И напротив, любая попытка объединить эти универсальные ценности и придать им образец, который непременно нужно брать за основу, являясь на территорию другого государства, — это вещь опасная и для нас неприемлемая. Мы признаем универсальные ценности, мы признаем наличие национальных моделей для их реализации. За каждой демократией есть свой этап развития...»

«Суверенной демократией может быть только та страна, которая имеет право занимать достойное место в мире, обозначать свои государственные интересы и решать задачи, без которых она утратит право называться суверенной демократией».

«Заявление о суверенной демократии — это доказательство нашего права строить такую демократию, которая опирается на базовые ценности и в то же время является национальной моделью!» (14).

Примечания

1. Путин В.В. Встреча с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» (9 сентября 2006 года, Ново-Огарево) // http://president.kremlin.ru/appears/2006/09/09/1930_type63376type63381_111114.shtml.
2. Грызлов Б.В. Выступление на презентации программного заявления партии «Россия, которую мы выбираем» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115719>.
3. Сурков В.Ю. Выступление на медиафоруме 12 сентября 2006 года // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115330>; Сурков В. Выступление на круглом столе «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность» 30 августа 2006 года // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115114>; Сурков В. Выступление на брифинге в Москве 28 июня 2006 года // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>; Сурков В. Суверенитет — это политический синоним нашей конкурентоспособности // Комсомольская правда. — 2006. — 7 марта. О суверенной демократии: <http://www.kp.ru/daily/23669/50644/>; Сурков В. Из выступления перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года // <http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>
4. Зорькин В.Д. Выступление на круглом столе на тему «Суверенное государство в условиях глобализации: глобализация и национальная идентичность» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115123>.
5. Шойгу С.К. Мы просто страна с амбициями // Комсомольская правда. — 2006. — 17 февраля; <http://www.kp.ru/daily/23659.4/50027/>.
6. Иванов С.Б. «Триада национальных ценностей» в газете «Известия» // <http://old.mil.ru/articles/article14358.shtml>.
7. Сергей Лавров не считает комментарии Чейни угрозой демократии // Lenta.ru, 6 мая 2006 года; Lenta.ru, 26 сентября 2006 года // <http://lenta.ru/news/2006/05/06/lavrov/>.
8. Лужков Ю.М. Мы и Запад // Российская газета. — 2006. — 15 июня; <http://www.edinros.ru/news.html?id=113780>.
9. Шаймиев М.Ш. Судьбы демократии в России // Независимая газета. — 2006. — 16 сентября; <http://www.edinros.ru/news.html?id=115343>.
10. Матвиенко В.И. Россия будущего: инновации, демократия, суверенитет // Известия. — 2006. — 27 октября; <http://www.izvestia.ru/politic/article3097915/>.

11. Володин В.В. Выступление на круглом столе на тему «Суверенное государство в условиях глобализации: глобализация и национальная идентичность» 30 августа 2006 года // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115121>.
12. Воробьев А.Ю. Комментарий к высказыванию вице-преьера Дмитрия Медведева // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114518>.
13. Исаев А.К. Выступление на круглом столе на тему «Суверенное государство в условиях глобализации: глобализация и национальная идентичность» 30 августа 2006 года // <http://www.edinros.ru/news.html?id=115116>.
14. Олег Морозов о суверенной демократии:
<http://www.edinros.ru/news.html?id=115723>; <http://www.morozov-ov.ru/index.php?id=661>; <http://www.mk.ru/newshop/bask.asp?artid=138425>.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дмитрий Орлов, генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций, кандидат исторических наук</i>	
Политическая доктрина суверенной демократии	3
<i>Андраник Мигранян, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по вопросам глобализма и национальной стратегии развития</i>	
Исторические корни суверенной демократии	11
<i>Михаил Рогожников, заместитель директора Института общественного проектирования</i>	
Что такое суверенная демократия	15
<i>Вячеслав Никонов, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии, президент фонда «Политика»</i>	
Суверенная демократия	21
<i>Владислав Сурков, заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации — помощник Президента Российской Федерации, магистр экономических наук</i>	
Национализация будущего (параграфы про суверенную демократию)	27
Политики о суверенной демократии	45
Примечания	57

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ ОТ ИДЕИ – К ДОКТРИНЕ

Препринт и производство:
издательство «Европа»
119180 г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
Тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Подписано в печать 24.11.2006. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Journal. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,49.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Баккара-принт»